

ГАБРИЭЛЬ КОРТЕС

ВСАДНИК ЕВРОПЫ

ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ ДЖЕЙМСА ФИЛЛИСА,
СТАРШЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
ОФИЦЕРСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

5

ПЯТЫЙ РИМ

ГАБРИЭЛЬ КОРТЕС

ВСАДНИК ЕВРОПЫ

**ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ ДЖЕЙМСА ФИЛЛИСА,
СТАРШЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
ОФИЦЕРСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2017

James Tillis

«Прошлое — лишь сон,
но для разума усердного и чувствительного
оно оживает вновь».

Жан де Ля Варенд

ГЛАВА I

Всадник-ученик (1834—1859)

Джеймс Филлис родился 17 декабря 1834 года в Лондоне в квартале Святой Мэрилебон. Его родителями были Томас Филлис и Анна Далтон.

Не слишком углубляясь в исследование его родственных связей¹, назовем имена шестерых его братьев и сестер: Марта (род. в 1826), Генри (род. в 1827), Томас (род. в 1830), Мэри Энн (род. в 1832), Фред (род. в 1836) и Чарльз (род. в 1839).

Любому, кто интересуется Филлисом, предстоит погрузиться в атмосферу цирка — так как будущий мастер рос в цирковой семье. «Семья цирковых артистов — всадников и акробатов» — так в своем произведении «Мастера верховой езды»² объясняет нам один из самых крупных специалистов в этой области Андре Монтейе. А прославленный артист школы «Этрие (Стремя)» Арман Шарпантье, знавший Филлиса так близко, что его оценки отличаются особенной глубиной, в своих воспоминаниях «Вечера в Этрие», опубликованных в 1946 году, пишет так: «Он сызмальства впитывал все секреты ремесла — родился в цирке, в семье артистов, работавших с лошадьми, и пошел по стопам родителей»³.

Это свидетельство вполне соответствует известному факту — в XIX веке члены семьи Филлисов выступали в цирке; среди них были и всадники, и гимнасты, и акробаты, и клоуны, и жонглеры⁴.

Итак, в цирковом детстве маленького Джеймса сомневаться, казалось бы, не приходится. Но весьма любопытна информация,

1. См. <http://Ancestry.fr>.

2. Ed. Odège, 1979, pp. 119—122.

3. Paris, Plume et Presse, 1946, p. 195.

4. Ср.: Turner (John), Victorian Arena — The Performers: A Dictionary of British Circus Biography, 2 volumes, Liverpool, Lingdales Press, 1995—2000, pp. 46—47.

**Джеймс Филлис.
Иллюстрация
из его книги**

которую мы находим в свидетельстве о втором браке Филлиса с Терезой Готье, заключенном в 1889 году. В этом документе говорится, что его отец Томас Филлис, к тому времени уже давно почивший, был адвокатом. Эту же профессию приписывает ему и подполковник Багратион — автор предисловия к русскому переводу книги Филлиса «Основы выездки и езды», изданной в России в 1901 году⁵.

В биографическом очерке князь Багратион пишет, что как старший из сыновей, Джеймс Филлис должен был бы унаследовать нотариальную контору своего отца, но этого не случилось. Когда главы семейства не стало, мать Филлиса осталась с семьей детьми на руках и почти без средств к существованию: все свое состояние Филлис-старший проиграл на скачках. В восемь лет, пишет князь, маленький Джеймс был вынужден переехать жить к отцовскому другу. Там-то, в Нью-маркете, в жестком мире скачек, юный Джеймс и получает первое «боевое крещение». Он колесит по Европе, работая поставщиком лошадей, которых покупает торговец по фамилии

5. Так же называет его и современный Филлису автор: Saltarino (Signor), *Artisten-Lexicon*, Lintz, Düsseldorf, 1895, p. 60.

Гринесс. В Вене, в конце 1840-х годов, он знакомится с Боше, в 1858 году в Берне объезжает свою первую лошадь, затем снимает манеж в Гавре и, наконец, поневоле оседает в Париже, чтобы работать в цирке (из-за отсутствия коммерческой жилки торговые дела у него не заладились)⁶.

Где правда? Может быть, те, кто настаивает, что Филлис — конник едва ли не с рождения, так как вырос на цирковой конюшне, отрицают историческую правду, стремясь придать его происхождению некий иллюзорный блеск? Трудно сказать. Но одно мы знаем наверняка: его мать Анна Филлис была безграмотной. В свидетельстве о первом бракосочетании Джеймса с Аделаидой Ламбер она, хотя и упомянута, но не смогла поставить своей подписи. Объяснение находим у Г. Казье-Шарпантье в статье о «Филлисе, всаднике — цирковом артисте», опубликованной в 1965 году в популярном клубном журнале любителей цирка⁷. Вот, что пишет автор, всадник, дрессировщик лошадей и превосходный знаток цирковой среды: «Филлис происходил из цирковой семьи, а его родители много раз бывали с цирком в Южной Африке. Однако при этом ему очень нравилось поддерживать слух, что он — сын английского юриста».

Томас Филлис умер в Лондоне 11 апреля 1842 года⁸, когда Джеймсу исполнилось 8 лет. Знаменательное совпадение, как позднее расскажет он сам, так как именно в этом возрасте он впервые сел на лошадь и начал ездить верхом.

Уж не пришлось ли госпоже Филлис дожидаться смерти мужа, чтобы наконец окрестить Джеймса? Ибо, коль скоро Филлисы были протестантами — как об этом говорится в свидетельстве о крещении Джеймса, — небезынтересно, что само крещение состоялось лишь 2 января 1844 года в Christ Church (Церкви Христовой) в квартале Святой Мэрилебон в Лондоне⁹. Джеймсу тогда было уже 10 лет. Он проживал с матерью в доме 29 на Девонширской улице.

Именно информации о существовании этого документа и не хватило Андре Монтейе, когда он, внимательно изучая жизнь Филлиса, решил, что тот был католиком. Когда

6. О том же говорит и большинство восточноевропейских источников информации о Филлисе.

7. Le Cirque dans l'Univers, 3 trimestre 1965, bulletin № 58 du club du cirque, pp. 25—26.

8. См. запись о бракосочетании Джеймса Филлиса и Аделаиды Ламбер, сделанную в 1873 году в «приходе Церкви Христовой, в квартале Святой Мэрилебон». На наш запрос Лондонские архивные службы ответили, что в 1842 году в приходе Церкви Христовой не было записей о погребении, и следует поискать их в других приходах, которые находятся по соседству с кварталом Святой Мэрилебон.

9. Ссылки: Лондонское сити — Лондон — метрополитен Эрчив — 40 Нортгемптон Роуд, ЕС1R 0НВ: Baptism entry for James Fillis from the Register of Baptisms (P89/CTC/050). Ссылка на крещение сопровождается упоминанием: «Father deceased» и указывает дату рождения Джеймса: «17 дек. 1834» [Другие даты рождения в записях крещения, совершенного в тот же или в ближайщие дни: 11 марта 1843, 31 августа 1842, 4 дек. 1943, 2 дек. 1843...]

10. См. архивы Монтейе, Национальная школа верховой езды, досье Джеймса Филлиса, переписка с лондонскими архивами.

11. См. запись о бракосочетании № 196 в приходских архивах церкви Святого Иоанна Крестителя в Нейи.

12. См. раздел некрологов 7 мая 1913 года в «Le Figaro» и «Gil Blas».

13. См. также интервью с Филлисом в газете «Ля Пресс» от 25 марта 1891 года: «Я впервые сел верхом на лошадь, когда мне было 8 лет. И вот не слезаю с коня уже 57 лет!»

14. См. предисловие к «Основам выездки и езды», Париж, Фламма-рион, 1891. С. I.

в 1968 году¹⁰ в Лондоне он работал в архивах «Public Record office», он действительно не смог найти точной записи о гражданском состоянии и сделал из этого вывод о католическом вероисповедании Филлисов, поскольку до закона, принятого в 1836 году, все записи о крещениях, бракосочетаниях и погребениях делались англиканской церковью.

Где же тогда эта запись? Загадка. Во всяком случае, когда 21 декабря 1889 года в церкви Святого Иоанна Крестителя в Нейи Филлис венчается с Терезой Готье, которая была католичкой, то будущим супругам пожаловано «специальное разрешение на брак представителей двух разных вероисповеданий», а их согласие получено «в ризнице»¹¹.

Чтобы покончить с этим вопросом, отметим: похороны Филлиса в 1913 году пройдут в англиканской церкви Святого Георгия в 16-м округе Парижа¹².

В 1842-м, восьмилетним мальчишкой¹³, Филлис впервые садится на лошадь. Это нельзя считать случайностью; сей факт определит всю его дальнейшую жизнь. В своей книге «Основы выездки и езды»¹⁴ он рассказывает: «Мне было восемь лет, когда меня впервые взгромоздили на коня. Моя скромная персона стоила не очень-то дорого; если лошадь брыкалась или не хотела двигаться, все наперебой кричали: мальчишку, посадите на неё мальчишку! И меня, мальчишку, сажали в седло, и вот уже я мчался вперед во всю прыть, под звуки хлыста и шамберьера! Мальчонка держался как мог: то пригнувшись, то опять выпрямляясь верхом на лошади. Таковы были мои первые шаги на поприще работы с лошадьми. С тех пор, с самого детства, я и начал применять принцип энергичного посылы, ставший мне таким дорогим и близким».

Значительно лучше информированный журналист Карл дэ Перрьер — его вполне можно назвать писателем — в газете «Голуа» от 15 апреля 1889 года сообщал, что Джеймс Филлис «дебютировал на родине, в Англии, в ремесле, которое называли работой на вольтижировочном седле, то есть гимнастической эквилибристикой, которую артист исполняет, удерживаясь на лошади. Он долго этим занимался, но в дальнейшем,

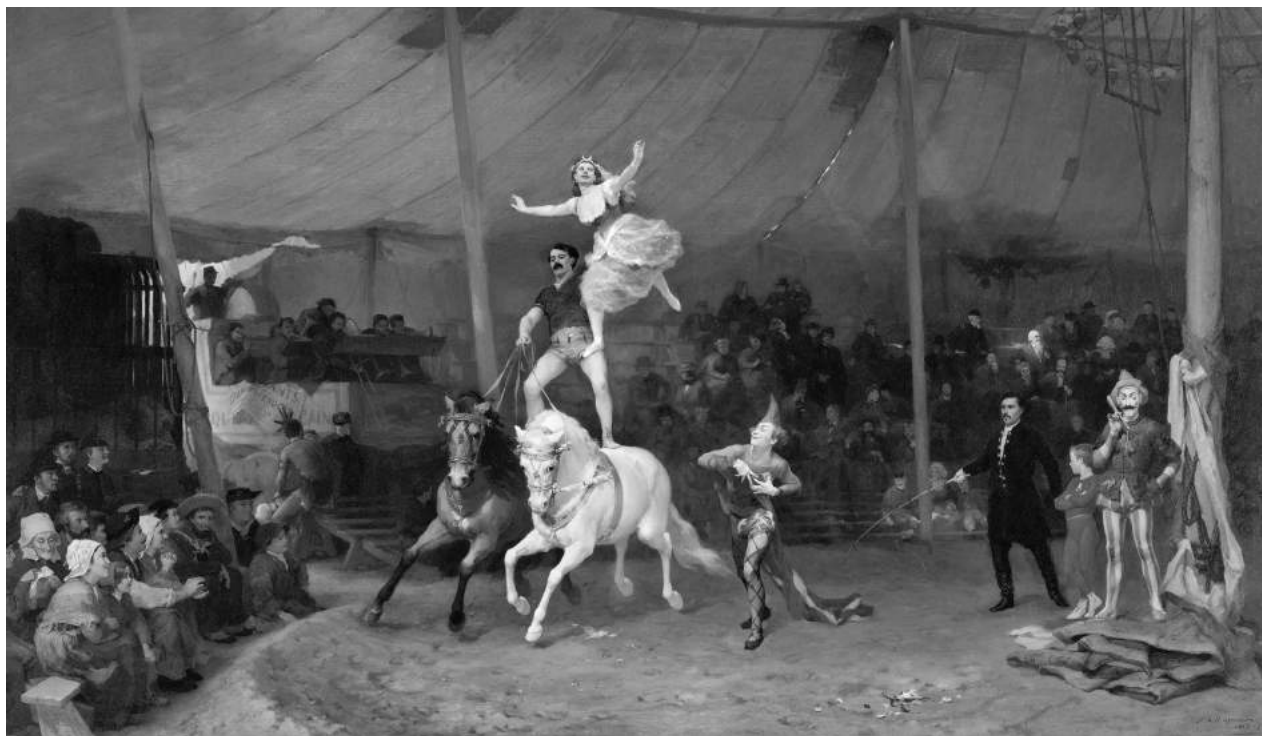

по-видимому, не имея необходимой для таких выступлений пластики, но очень любя лошадей, мистер Филлис стал объезжать и выезжать их по программе Высшей школы верховой езды [...].»

«Второй гейм».
Сэр Альфред
Джеймс Мэннингс

Это похоже на правду. Кстати, такая черточка в биографии, общая для всех конных гимнастов — начинать с такой вот акробатики, необходимой для выработки твердого и уверенного равновесия и красивой осанки. Впрочем, это ремесло скорее женское, чему дает некоторые объяснения Юг Лё Ру в «Цирковых и ярмарочных играх», вышедших в Париже в 1889 году¹⁵. Остановимся же на нескольких подробностях, которые помогут нам больше узнать о цирковой атмосфере, в которой вырос Джеймс Филлис: «А ведь из-за своего простосердечия я могу нажать немало прекрасных «врагинь». Но по крайней мере, пусть никто не усомнится в моем искреннем уважении и восхищении гимнастками, работающими на вольтижировочных седлах, и вообще конными гимнастками. Считается, что в цирке понятие женской добродетели обратно пропорционально длине юбок: если женщину в костюме амазонки еще можно в чем-то заподозрить, то уж кисейная нижняя юбка взлетает выше всякого злословия и сплетен.

15. Париж, Либрери Плон, 1889. Иллюстрации Жюль Гарнье, с. 120—136; «Всадники».

**«Американский
цирк во Франции».
Фредерик Артур
Бриджмен**

Рано выйдя замуж за циркового артиста, конная гимнастка, как правило, бывает прекрасной хозяйкой и образцовой женой. Все опасные номера она исполняет вместе с мужем, если ей не мешает материнство. Они получают одинаковые травмы, они вместе ломают руки и ноги; а едва начав поправляться, она опять выходит на работу. Ее воспитание — целиком и полностью цирковое.

Ее впервые сажают на лошадь в шесть лет. Помимо работы в качестве конной гимнастки — а это самая трудная работа, — ее обучают и пантомиме, и хождению по проволоке, жонглированию, гимнастике и даже клоунаде. Я уже не говорю о Школе верховой езды. Акробатка, умеющая работать стоя на двигающейся лошади, настолько уверенно сохраняет равновесие, так прекрасно чувствует лошадь, что может сидеть боком даже без особой подготовки. Несколько дней репетиций — и она смогла бы выступить как всадница и в Высшей школе верховой езды».

По-видимому, в том же 1842 году Джеймс Филлис уезжает во Францию. По крайней мере в этом сходятся все его биографии. Например, Сильвия Лок в своей «Истории классической

верховой езды с античности до наших дней», опубликованной в 1994 году¹⁶, посвящает 11-ю главу «Филлису, забытому английскому гению», в которой пишет: «Джеймс Филлис, хоть и родившийся в Англии в 1834 году, всегда был известен как воплощение французской школы, и это, наверное, весьма показательно, что, посвятив себя Высшей школе верховой езды телом и душой, в Англию он так и не вернулся.

И все-таки им восхищались в том числе и английские охотники. Хорэс Хэйс, очень известный ветеринар и знаменитый охотник, переводчик книги, на которую он ссылается ниже, пишет: «[...] полковник Мак Теггерт по меньшей мере семь или восемь раз цитирует Филлиса в своей собственной книге, когда сожалеет о том, на каком уровне находилось конное дело в его стране в середине XIX века».

Почему Филлис переехал во Францию? Или его судьбой стал приехавший в Лондон парижский цирк?¹⁷ А может быть, его, сироту, пригрел какой-нибудь дядюшка? И так он обрел семью? Об этом мы не знаем ничего или почти ничего. Зато мы знаем, что дебютировал Джеймс Филлис в цирке Сулье¹⁸. Можно предположить, что он проработал в нем до конца 1840-х годов¹⁹. И там же знакомится с Франсуа Боше, который на 38 лет старше него. Вот что Филлис напишет о Боше в «Основах выездки и езды»²⁰: «[...] хоть и не будучи его учеником, я следовал за ним и обучался во время его поездок в Австрию, Италию, Швейцарию и т.д., с 1847-го по 1850-й». Этот факт соответствует и тому, что вспоминает о Боше его настоящий ученик — генерал Льотт в своем «Кавалерийском офицере»²¹. Приведем его свидетельство, чтобы представить себе атмосферу ученических лет Филлиса: «[...] В 1849 году восьмое издание его метода было распродано; он не хотел выпускать нового издания, ожидая, пока возрастет спрос, стремясь заставить общество вспомнить о нем и обвиняя его в неспособности оценить его по заслугам. Утомленный постоянными нападками соперников, позабытый или переживший предательство нескольких соратников, им же всему и выученных, Боше возлагал ответственность за это на все общество, совершенно справедливо обвиняя его в неблагодарности и забывчивости.

16. Издательство «Малюан», с. 115—120.

17. Единственный источник отмечает: «И многие английские всадники и жокеи, такие как Джеймс Филлис, дебютировавший у Вольшлагера, переехали в континентальные цирки» (см.: Тристан Реми. Цирк и его звезды. Брюссель, АРтис, 1955, с. 52).

18. См. ссылку в изд-ве «Атлас». Июнь 1993. «Знаменитые люди и лошади». 38 — Les maîtres et leurs methods № 7. Джеймс Филлис. Главная энциклопедия конного дела. Ссылка и изложенные в ней факты сделана так хорошо, что она заслуживает особенного внимания. На наш вопрос об ее авторе консультанты издательства «Атлас» дать ответ не смогли. Тем не менее, хотя и единичное, свидетельство о дебюте Филлиса в цирке Сулье хотя и не проверено, но кажется правдоподобным.

19. Ср.: Jando (Dominique). Histoire mondiale du cirque/ Editions universitaires JeanPierre Delarde, 1977, p. 147: «[Филлис] впервые вышел на манеж в десятилетнем возрасте, в 1844-м, в цирке Сулье». Renevey, Monica J. Le grand livre du cirque, en 2 vol./ Edito-Service, Geneve, vol. II, p. 44: «английский всадник... сам вспоминает о своем первом выходе на манеж в 1844-м, когда ему было десять лет, в цирке Сулье».

20. Там же, с. 366, часть 4, «комментарии о Боше».

21. Плон. 1905, гл. VIII. О Боше.

Мадам Ада Кастелло и ее лошадь Юпитер, плакат, ок. 1899

в третьей части всех расходов. Раньше, в парижском цирке, он зарабатывал 18000 франков за один сезон и у него было шесть отличных лошадей. Впрочем, имел он и несколько тысяч ливров ренты, так что в случае чего ему было бы на что свести концы с концами [...]».

Великий историк циркового искусства Анри Тетар тоже описывает дебюты Филлиса у Сулье²²:

«Году в 1845-м Боше пользовался большим успехом на арене цирка Сулье, с которым проехал Австрию, Южную Германию и Италию. Как-то раз мальчишка из семьи цирковых артистов увидел его выступление, пришел в полный восторг и страстно захотел освоить его метод. Позже он не только научился ездить так, как учил Боше, но и дополнил его систему. Этим мальчиком был Джеймс Филлис, которому тогда исполнилось 12 или 13 лет, но он уже был отважным и пылким всадником».

И при этом все-таки — имея таких ярких недоброжелателей и нескольких предателей среди учеников — еще ни один основатель и руководитель школы не пользовался таким уважением, не был окружен такими восторженными почитателями и такими самоотверженными друзьями, как Боше. ...Однако, несмотря на это, иногда его одолевали приступы мизантропии, которые выражались подчас в словах весьма горьких. Как-то раз он сказал мне: «Чего от меня хотят? Чтобы я вышел на манеж и разбился. Прежде всего нужно уметь выживать. Да что там! Я же ярмарочный паяц и живу с шутами гороховыми, вот и позволяю полюбоваться собою за десять су».

Боше выступал тогда в цирке Сулье и с ним путешествовал. Ему отдавали треть всей выручки, и он участвовал

22. Thetard, Henry. La merveilleuse histoire du cirque/Prisma, 1947, reed. Juillard, 1978. P. 399. Мадам Ада Кастелло и ее лошадь Jupiter, плакат, ок. 1899.

Вскоре Филлис пройдет обучение у тренера, близкого к Боше, — Виктора Франкони.

В это время юный Филлис, которому уже 16 или 17 лет, уходит из цирка²³ и служит главным конюхом в конюшнях сэра Ричарда Уоллеса²⁴. Уоллес, прославившийся в Париже как благотворитель, дав деньги на строительство фонтана, названного в его честь, — работал вместе со своим отцом, лордом Сеймуром, четвертым маркизом Хетфордским. Лорд Сеймур жил в Париже в доме номер 2 по улице Лаффит и в Нёйи в имении Багатель.

Тогда-то Филлиса замечает и Виктор Франкони, сын Лорана Франкони, о котором генерал Льотт говорил, что тот «восседает на коне как само величие»²⁵. Карл дэ Перрьер пишет об этом так: «Мсье Франкони-отец, увидев, как этот господин гарцует на Елисейских Полях, и, найдя в нем качества редкие и заслуживающие серьезного внимания, предложил ему поступить в цирк, пройдя Высшую школу верховой езды, что и было им принято»²⁶.

В 1846 году Виктор Франкони окончательно переезжает в Париж и в том же году открывает там манеж у площади Этуаль при въезде на нынешнее авеню Фош (тот самый «Лесной проспект», которым в эпоху экипажей так любила проезжать парижская аристократия). В 1848-м манеж сгорел, но вскоре был отстроен заново. Впоследствии Виктор Франкони его продал. После Парижской Коммуны он стал директором цирка на Елисейских Полях. Его здание на краю площади Мариньи стояло там, где сейчас находится театр Мариньи. В 1870 году он станет Летним цирком.

В 1851 году Франкони получил еще и концессию на Марсовом Поле, где устроил конные и другие зрелища. Именно в эту пору его учеником и стал Джеймс Филлис²⁷, до того имевший только практический опыт верховой езды²⁸. Франкони хорошо знал Боше — вполне возможно, еще с середины 1830-х годов, когда его отец работал с ним в шапито на Елисейских Полях. Именно там позднее, во время въезда на манеж Боше получит тяжелую травму от упавшей на него

23. Подробнее о цирке Сулье см.: Jando (Dominique). Histoire mondiale du cirque / Editions universitaires Jean-Pierre Delarde, 1977. P. 41: «Луи Сулье и его большой караван-сарай».

24. См. «Лё Голуаз», 15 апреля 1889 года, статья, подписанная Карлом дэ Перрьером.

25. См.: Un officier de cavalerie, Plon, 1905. Из главы V: «Я видел Лорана Франкони, этого непревзойденного всадника, само величие на коне, когда он выезжал на своей кобыле Норме...»

26. См. «Лё Голуаз», 15 апреля 1889 года, статья подписана Карлом дэ Перрьером.

27. Это подтверждает и Арман Шарпантье в «Вечерах в Этрие», Париж, Плюм э Пресс, 1946, с. 200: «...знаменитый Виктор Франкони, дававший много советов Филлису...»

28. См. также интернет-статью Алена Фабра «Франкони. Династия конных гимнастов»: http://www.ling.fi/RATS/BAUCHER_FR/CirqueFranconi/html.

«Цирковая
девочка».
Открытие

29. Мемориальная доска в память о Франсуа Боше висит сейчас на стене театра Марины, там, где был Летний цирк. На ней надпись: «В этом месте на площади Марины располагался цирк Елисейских Полей. Франсуа Боше (1796—1873). Один из величайших мастеров верховой езды тех лет. Пользовался блистательной славой здесь с 1837 по 1843 годы».

30. «Основы выездки и езды». Париж, Фламма-рион, 2-е изд., 1891, комментарии о Боше (в конце).

люстры²⁹. Филлис в «Основах» замечает, что стиль работы Франсуа Боше и Виктора Франкони несколько различался: «Отвагой и уверенностью, как и той порывистой пылкостью, какую он умел передать своим лошадям, Виктор Франкони был намного ближе к верховой езде графа д'Ора». Его отзыв о нем полон воодушевления: «Виктор Франкони, преподавший мне столько блестящих уроков»³⁰.

Но подлинный наставник Филлиса — это Франсуа Карон, ученик Боше и племянник Эжена Карона. По общему

мнению, Филлис начинает обучаться у него году в 1855-м. Ему 20 лет. С учителем его связывает глубокая дружба — позже, уже в 1890-м, именно Карону он посвятит свое первое сочинение «Основы выездки и езды». А 31 мая того же года Филлис сочиняет следующий текст для посвятительной первой страницы: «Франсуа Карону, бывшему шталмейстеру Российского императорского дома. Вам, дорогой учитель и друг, посвящаю я эту книгу. Она с полным правом могла бы назваться вашей, не будь подарена вам мною с чувством живейшей признательности. Вы помогли мне сделать первые шаги в трудном искусстве верховой езды; вы следили за мною, ободряли, помогали во всей моей карьере. Прежде, во времена давние, когда вы с удовольствием отмечали мое прилежание в работе, говоря, что гордитесь таким учеником, — какое рвение черпал я в словах ваших! Теперь же я с большой радостью хочу публично выразить всю мою благодарность, посвящая вам мой скромный труд, в котором, хотелось бы надеяться, и вы найдете немалую часть вложенного вами. Примите же его благосклонно и верьте в меня. Ваш признательный ученик, ваш друг, Джеймс Филлис».

Андре Монтейе, сумевший с такой точностью воскресить всю биографию Филлиса, предполагал, что его первая жена была урожденной Карон. Нам известно³¹, что перед опубликованием своей первой исследовательской статьи о Филлисе в «Информасьон иппик» 1969 года³², он запрашивал свидетельство о его смерти³³, в котором Филлис после первого брака упоминался как «вдовец... некоей Карон (без личных имен)».

Это еще один курьез с записями актов гражданского состояния — ведь мы знаем, что Филлис овдовел после смерти Аделаиды Ламбер. По-видимому, Андре Монтейе не знает, что у Филлиса была дочь Анна, родившаяся в 1834-м³⁴; позже она станет искусной конной гимнасткой, мастером Высшей школы верховой езды, любимицей всего Парижа. С учетом хронологии можно было бы допустить, что мать Анны Филлис была дочерью или племянницей Франсуа Карона. В этом случае упоминание в свидетельстве о смерти Филлиса можно было бы признать отчасти верным³⁵.

31. См. архивы Монтейе, Национальная школа верховой езды, досье Джеймса Филлиса.

32. Information hippique, июль-август 1969, № 146—147. С. 38—40.

33. См. свидетельство о смерти от 3 мая 1913 года. Париж. 16-й округ.

34. Мы не смогли разыскать ее свидетельство о рождении, не зная, где именно она родилась. Датирование 1863 годом исходит из статьи, опубликованной 28 апреля 1886 года в журнале «XIX siècle (Девятнадцатый век)»: «Анонсируется скорый приезд мадемуазель Анны Филлис, всадницы Высшей школы верховой езды. [...] Филлис, которой двадцать три года, — дочь мсье Джеймса Филлиса».

35. Ср. рассуждения юриста Луазеля (начало XVII века): «Вместе пить, есть, вместе спать, — мне почему-то кажется, что это и есть брак. Но нужно, чтобы в этом поучаствовала и церковь!»

**Наездница
и две лошади
за цирковой
палаткой, 1904**

Таким образом, Филлис, ученик Франсуа Карона, в некотором смысле может также считаться учеником Боше. Генерал Декарпентри в книге «Боше и его школа»³⁶ прослеживает эту преемственность. Правдивость его свидетельств сомнений не вызывает — ведь он внук Эжена Карона (1812—1887), сына офицера Первой империи: «Году в 1850-м [Эжен] Карон привез к Боше одного из своих кузенов, моложе его самого на добрый десяток лет, по имени Франсуа Карон. Молодой человек работал в цирке в Дуэ и выказывал большие способности к работе в Школе. Боше нанял его управлять своей конюшней во время переездов, в которых Франсуа Карон следовал за ним пять лет по всем крупным городам Европы, помогая хозяину на выездах, и был мало-помалу посвящен им во все тонкости

36. Baucher et son école, reedition aux ed. Jean-Michel Place, 2012.

конного представления. Позднее Франсуа Карон обосновался в Санкт-Петербурге, где получил титул Управляющего Царскими конюшнями и Императорским манежем и имел немалый доход. Он был учителем Филлиса, посвятившего ему свою книгу «Основы выездки и езды» и в свою очередь ставшего в 1898 году Главным управляющим конюшнями Офицерской Кавалерийской школы в Санкт-Петербурге, пробыв на этой должности до 1910-го».

Участник детского конного шоу

В своей первой работе Филлис пишет о Боше: «Боше, несомненно, был самым великим и искусным всадником из всех, нам ныне известных...» Внизу страницы он добавляет приписку: «Что касается меня, то я очень высоко ставлю Боше.

**«Цирковой
наездник-
дрессировщик»,
автор неизвестен**

Мой учитель, Франсуа Карон, учился всему у него. Я очень глубоко постиг метод Боше во всех его тонкостях. Без Боше я никогда не достиг бы таких высот в конном спорте, до каких поднялся ныне»³⁷.

Вернувшись в Невшатель, Франсуа Карон умирает в начале 1894 года. По этому случаю ежедневная газета «Gil Blas» печатает следующую заметку: «Сообщается о смерти в Невшателе, в возрасте 85 лет, старого мастера верховой езды Франсуа Карона, который в то время был весьма знаменит. Это он был учителем Филлиса — всадника, преподающего ныне в Берлине. Франсуа Карон родился в окрестностях Невшателя и уехал из родных мест десятилетним мальчиком. Его неумолимо привлекала работа в бродячем цирке. Через несколько лет, укрепившись в этом призвании,

он стал специалистом самого высшего класса и, принятый в Манеж, заставил ездить верхом весь Париж. Российский Император, которому понадобился управляющий для своего частного манежа, отправил одного из своих офицеров в Париж, поручив ему привезти самого знаменитого шталмейстера. Им и оказался Франсуа Карон, который имел честь стать преподавателем верховой езды при российском дворе. Так, его учениками были Великий князь Алексей и многие влиятельнейшие фигуры».

37. «Основы выездки и езды», комментарий о Боше.

ГЛАВА 2

Всадник (1859—1880)

Есть все основания полагать, что период ученичества Джеймса Филлиса заканчивается в 1859 году, когда ему исполнилось 25 лет. Он и сам называет именно эту дату, отвечая в 1913 году на письмо Эдуара Венсана, бывшего тренера лошадей, а позже — издателя в Сен-Жермен-ан-Лэ. Венсан просил его прислать какие-нибудь личные вещи для Музея лошади в Сомюре. 10 января 1913 года, соглашаясь исполнить эту просьбу, Филлис пишет так: «[...] Я предоставляю в ваше распоряжение свою последнюю пару неподвижных шпор с зубчатым репейком; такую модель я носил с самого начала моей карьеры с 1859 года [...]»¹.

Арман Шарпантье дает любопытный комментарий на это заявление Филлиса в пользу неподвижных шпор с зубчатым репейком. Прочитируем безо всякого смущения и мы: «Филлис не признавал никаких других шпор, кроме неподвижных шпор с зубчатым репейком, хотя на сапоге это выглядело не слишком красиво. Мне кажется, что ременные шпоры также можно подогнать очень жестко, если именно такая деспотическая точность на ноге заставляет предпочесть неподвижные шпоры с зубчатым репейком и при этом обеспечивать такую же четкость в движениях. Но в самом деле, неужели так уж нужна эта слишком сковывающая подгонка и не предпочесть ли ременные шпоры, коль скоро они, даже прекрасно подогнанные, всегда оставляют некую возможность для свободы движений, уже не столь жестко определенных»².

Тут Шарпантье сообщает нам характерную и малоизвестную деталь облика Филлиса: он был маленького роста. В тех же «Вечерах в Этрие» он пишет:

1. Письмо собственноручно написано Джеймсом Филлисом 10—01—13. Хранится в архивах Музея лошади в Сомюре.

2. Ср. А. Charpentier, op. cit., p. 202.

**«Лошади
на пастбище».
Альбрехт Адам**

«[Филлис] повторяет [...] то, что говорил уже не раз: что самый горячий порыв у лошади вызывают посылы шпорами возле подпруги. С этим как раз можно поспорить. Возможно — да он и сам говорил то же самое, — что с чувствительной лошастью в этом случае все не так однозначно. Но есть лошади, управлять которыми легче, пришпоривая снизу и чуть позади подпруги. Правда состоит в том, что Филлис, по-видимому из-за невысокого роста, не мог сидя верхом отвести ногу (шенкель) далеко назад [...]»³.

Чему же научился Филлис за «дебютный год карьеры», 1859-й?

Вероятно, самостоятельной выездке лошадей. Обратимся к его собственному признанию в «Дневнике выездки»⁴: «Поначалу я держал манеж в Гавре, где ежедневно работал от четырнадцати до семнадцати лошадей. В те годы, когда я ухаживал за лошадьми господина барона Гюстава де Ротшильда, первая лошадь у меня была готовой к работе летом в четыре часа утра, а зимой — в пять».

3. Там же, с. 251.

4. См.: Journal de dressage, ed. Flammarion, E./ Flammarion, 1903? [abrégé pour la suite de cette étude JDD]; Preface, примечание 1.

Филлис — кстати, как и Боше в его ранние годы, — поселяется в Гавре, в Нормандии. А где живут лошади барона Ротшильда — в Нормандии или в Париже? Известно, что барон Гюстав де Ротшильд (1829—1911), французский банкир, сын

барона Джеймса де Ротшильда, в 1869 году приобрел у герцогини де Боффремон два особняка в Париже на авеню Мариньи и на Цирковой улице, объединив их в 1872-м в одно частное поместье. В 1879 году он приобрел и отель номер 13 на авеню Мариньи. Сейчас там размещают самых почетных гостей Елисейского дворца.

Филлис же в те годы управляет или просто курирует частные манежи людей весьма известных, в том числе и из семейства Ротшильдов — он обучает баронессу Адольф де Ротшильд⁵ — и королеву Марию Неаполитанскую⁶. В это же время он приводит первых своих лошадей в Высшую школу. Эдуар Венсан, позже сам ставший его учеником в Сен-Жермен-ан-Лэ, предоставил Музею лошади в Сомюре — уже после смерти Филлиса — список лошадей, которых его учитель тренировал в Высшей школе верховой езды. В этом документе указаны кличка лошади, год выездки и порядковый номер. И первую же кличку мы читаем с удивлением: в 1858-м подготовлен *Partisan*!⁷ В 1864 году Филлисом подготовлены к выступлениям три лошади: *Arabesqa*, *Mexico*, *Black-Jack*; в 1866-м — *Dourack*; в 1867-м — *Souvenir*; в 1869-м — *Velleda*. В общей сложности Эдуар Венсан записал клички сорока семи лошадей — в свое время такой же журнал вел для отца и сын Франсуа Боше.

В 1864 году Филлис рассказывает, как гостил в Дозюлэ, в Нормандии, у некоего Паскаля, который изрядно понаторел в заездах рысью под седлом и две недели подряд одерживал над ним верх. Гюстав Лё Бон в своей работе «Современная верховая езда и ее основы. Экспериментальные поиски», опубликованной в 1913 году, пишет:

«[...] у одного из его друзей, которого звали Паскаль, было два рысака, и оба всадника поочередно садились в седло, соревнуясь в резвости рысистого бега. Однако во все последующие пятнадцать дней Филлис, хотя и ежедневно менял лошадь, в каждом заезде оставался побежденным. Причина превосходства Паскаля была очень проста: он изо всех сил натягивал повод, и удила больно давили на рот лошади, в то время как Филлис, привыкший к выездженным лошадям, почти не управлял лошадью и не натягивал повод. Паскаль

5. Ср. «Le Gaulois» от 9 мая 1913 года: «Только что скончавшийся мсье Джеймс Филлис, знаменитый спортсмен, циркач и тренер, был личностью любопытной и оригинальной. Он обучал своему искусству королеву Неаполитанскую, баронессу Адольф де Ротшильд и немалое количество влиятельных людей из самых разных стран... [...]».

6. См. «Histoire de l'équitation classique», Sylvia Loch, ed. Maloigne, 1994, p. 115—120.

7. Так же звали одну из самых известных лошадей Боше.

«Водопой».
Рисунок второй
половины
XVIII века

рассудил верно; но он не знал, что единственным оправданием для сильного натягивания повода может послужить неправильная выездка. Филлис показал ему блестящий пример верной тренировки, пару недель обучая одну из его лошадей обходиться без жесткого натягивания повода. А затем, оседлав выездженную им же лошадь, в свою очередь выиграл все заезды, лишь чуть трогая поводья. И выиграл тем легче, что его лошадь, не тратя сил на сопротивление управлению всадника, смогла всецело отдаться быстрому бегу»⁸.

Так же эту историю рассказывает и Шарпантье, цитируя самого Филлиса: «Мне удалось приучить лошадь реагировать на одно легкое касание повода рукой, не дергая его, и вот я наконец победил Паскаля четыре раза подряд». То же самое вышло и с другой лошадью. Обе, привыкнув доверять движению руки и получив теперь свободу движения крупа, пускались рысью вместе, не срываясь в галоп и почти не утомляясь. Выезженные по системе Паскаля, они, наоборот, срывались в галоп, почти всегда бежали нечеткой рысью и к тому же были вымотаны до предела.

8. Предшествует предисловию полковника Блэк-Белэйра, управляющего кавалерийской школы в Сомюре, Париж, Фламма-рион. 1913, с. 211.

Позже отметят, что я лучше чувствовал свою лошадь, чем он свою. [...] [Филлис] не стремится развить скорость быстрее, чем Паскаль, а бежит с той же скоростью, но в лучших условиях — с минимальной усталостью лошади [...]»⁹.

Это и иллюстрация еще одной черты характера Филлиса — нам кажется, что его отличал вкус к соревновательности, постоянная необходимость проверить превосходство своего видения и собственной практики; ее, как мы еще увидим из дальнейшего, он иногда доводил до таких вершин, что иногда задавались вопросом — а нет ли у него комплекса неполноценности. Иногда его упрекали в слишком грубой манере работы с лошадьми. Этот упрек вряд ли обоснован, о чем свидетельствует хотя бы такой эпизод. В своем «Дневнике выездки» Филлис рассказывает¹¹:

«Если приходится драться, нужно всячески постараться нанести удар первым, а не получить его. Англичане говорят: первый удар — половина победы. Вот и анекдот в поддержку моего тезиса. По-моему, он подтверждает, что в юности я правильно делал, применяя наступательную тактику. [...] Работал в 1866 году в одном манеже на улице Кампань-Премьер рядом с Монпарнасом, его держал некто мсье Жамен, обучавший там верховой езде совсем задешево. У этого Жамена была одна скотинка, и вот про нее говаривали, что на ней еще никто не усидел. Проезжая через Париж, я разыскал Жамена и попросил его разрешить мне прокатиться на этом чудовище. [...] я сгорал от желания померяться силами с этим «мулом» [...]. Позволю себе сказать, что не натягивал повод — даже когда лошадь стала брыкаться и совершать резкие подскоки, что не было так уж ужасно, поскольку она двигалась вперед. Пока лошадь была в движении, с моей стороны не было никакого управления. Я-то прекрасно знал, что в конце концов она устанет.

Весь секрет заключался в том, чтобы не дать ей остановиться. Так, едва лишь лошадь замедляла ход, как ей в рот тут же вонзалось железо удила. Не дать животному остановиться нетрудно, а вот пустить лошадь вперед, после того как она однажды уже остановилась, очень тяжело, а часто и невозможно. Еще можно не дать лошади закусить удила — но, если

9. Там же, с. 226—227.

10. См., напр., «Историю классической верховой езды» Сильвии Лох, стр. 15—120. Из главы 11 «Филлис, забытый английский гений»: «Одной из самых привлекательных черт Филлиса [...] были его терпение и понимание тонкой природы лошадей. Вот его рассуждение, особенно характерное, о том, как выезжать молодую лошадь: «В работе ласку нужно уметь проявить вовремя. Она должна следовать сразу за уступкой, как исправление следует за ошибкой. Когда вы получили уступку, погладьте животное и дайте ему свободу, на мгновение ничего от него не требуя. Вот настоящая награда. Это весьма облегчает выездку. [...] Чем больше ласкаешь его, тем менее вынужден его наказывать».

11. С. 161.

уж это случилось, ее не удержишь. И тут ради предосторожности нужно применять наступательную тактику. И вот я чуть-чуть подергивал повод, держа его в левой руке. Шпорами не пользовался: от них лошадь могла бы остановиться [...]. В том, что я все еще оставался в седле, не было никакой моей заслуги: между нами не возникло напряжения. Мне просто хватило умения воспользоваться слабым местом лошади, которое я совершенно ясно определил. Надо было во что бы то ни стало не дать ей остановиться и занести голову вправо. Воспользуйся я шпорами и поводом — поддался бы на ее подвох.

Животное было сбито с толку именно резкостью моей атаки. Я должен заметить, что после этой битвы со ртом лошади она стала разыскивать следы моих понуканий. А их-то как раз и не было, ибо поводья служили опорой для удил. Так что лучше уж заменить слово «грубость» на «энергичность». Я достиг морального эффекта, не причинив физической боли [...].

Мораль: всегда вперед. Наступательная тактика придает задора, поскольку сам наносишь удары. Все в движении, кровь закипает, и не думаешь о том, чем это закончится. Оборона же, наоборот, подразумевает парирование ударов. Но если, находясь всецело в обороне, переходишь в наступление, то это тоже неплохая тактика, поскольку такой поворот дела пробуждает отвагу и повергает в замешательство врага, когда его берут смелостью».

12. Ср. газеты «Orchestre» с мая по сентябрь 1866-го: в мае Филлис принимает участие в «Кадрили Имперского Принца», которую исполняли восемь лошадей (четыре амазонки и четыре всадника); в сентябре его имя значится на указаниях номеров: «saut de pîre» и «два силача, представленных Бредбери и Джеймсом Филлисом».

13. Ср. Шарль Дежелдер. Доминик Дени. Цирки во Франции — деревянные и каменные. Т 2. «Искусство двух миров», 2002—2003, с. 148.

Следовательно, это воспоминание имеет значение для нашей хронологии. В 1866 году Филлис еще не поселился окончательно в Париже, хотя уже выступал на лошади в цирке Наполеон в мае, а потом в театре имперского принца в сентябре¹². Этот театр просуществовал совсем недолго под управлением Фабьена Франкони в доме номер 50 на улице Мальты — с августа 1866-го по апрель 1869-го¹³.

Британский источник — хотя и единственный, но достойный внимания, — сообщает нам, что в 1867 году Филлис появился в Лондоне — в «Royal Amphitheatre», а в 1870-м — в цирках Хенглера в Бирмингеме и Брэдфорде¹⁴.

**«Лошадиные
достижения».
Томас Роулэндсон**

14. Turner (John), *Victorian Arena — The Performers: A Dictionary of British Circus Biography*, 2 volumes, Liverpool, Lingdales Press, 1995—2000, pp. 46—47. Не имея от автора других подтверждений, мы с осторожностью относимся к этой информации. Тут, возможно, наш герой перепутан с другим Филлисом. В той же статье, посвященной Джеймсу Филлису, автор, например, неточно указывает профессию отца Филлиса (адвокат) и год (1857), когда Филлис встретил Боше (статья, видимо, основывается на биографии Филлиса, написанной Сальтарино (Синьором), с. 60—64, в которой встреча с Боше датирована тем же годом.

15. JDD, предисловие, с. XVI.

16. Ср. некролог о Филлисе князя Д. Багратиона, воспроизведенный без ссылки на источник на одном из многочисленных российских сайтов, посвященных конному спорту: <http://www.horse.ru>; 13 октября 2005.

Мы уже видели, с какой страстью отдавался Филлис работе. Подтверждение тому находим в его же «Дневнике выездки» — кладезе полезных сведений:

«Невозможно вообразить, скольких лошадей я подготовил. Как я жалею о том, что не вел такого учета. Собираясь переезжать в Россию, я нашел мою счетную книгу, которая велась с 1866-го по 1886-й. Я заполнял этот гроссбух в конце каждого месяца, чтобы знать, какой счет послать какому клиенту, а вовсе не для записей, скольких лошадей подготовил к выступлениям, — этим тогда я вовсе не занимался. Я тогда носил при себе записную книжицу, в которую записывал разные случаи в работе за день. По вечерам я начисто переписывал все это в большую тетрадь. Из этого я заключаю, что за двадцать лет работы я подготовил — чудовищная цифра — 51100 лошадей, то есть в среднем по семь в день»¹⁵.

Позднее подполковник Багратион, помощник начальника Офицерской кавалерийской школы в Санкт-Петербурге, будет утверждать, что сам, своими глазами видел этот гроссбух!¹⁶

Наставления Филлиса отличаются изысканностью, и со временем в числе его учеников появляется все больше представителей высшего общества — крупной буржуазии и аристократии, о чем он сам любит рассказывать.

А теперь перенесемся в конец 1860-х годов и в начало следующего десятилетия¹⁷: «Если лошадь упирается и не слушается, потому что не понимает, — значит, ею управляет начинающий всадник, который еще не умеет обращаться к разуму животного. [...] По-моему, в конном деле только этот подход и годится; вся штука лишь в том, чтобы его найти.

Вот два анекдота в подтверждение моих слов: господин герцог де ля Тремуй как-то раз пришел ко мне и говорит: «Доставьте мне удовольствие, мсье Филлис, потренируйте одну из моих лошадей, а то она шутит со мной шутки. Ничего не пойму в этой чертовой кобыле: на охоте она послушна, на прогулке тоже, и везде все хорошо, кроме одного момента, когда нам приходится переходить по мосту над маленькой речкой, чтобы поохотиться в полях в Отёйе. Тут она начинает упираться, да так энергично, что и отскакивает, и разворачивается задом наперед, и вот уже две недели на том самом месте высаживает меня из седла». [...]

Встречу мы назначили на следующий день в особняке герцога на улице де Варенн. Разумеется, участие в этом эксперименте принимали и друзья мсье де ля Тремуйя. Сразу вскочив в седло, я почувствовал лошадь руками и ногами, и тут же понял, почему она упирается. Она напрягалась, чувствуя прикосновение ноги, и не могла сразу рвануть вперед, не имея возможность свободно двигать головой и шеей. Пока мы скакали от особняка до авеню дю Буа, я не мог как следует «прощупать» животное из-за местности, но едва появилась такая возможность, как я приступил к борьбе. Для меня проблема состояла вот в чем: во время движения лошадь замедляла скорость, чтобы сберечь всю свою энергию для того момента, когда она упрется: мне предстояло разрушить ее план сопротивления. «Ну погоди, дружище, — говорил я ей про себя, — доскачи мне только до того места, где ты устраиваешь такие штуки, и у тебя навсегда пропадет охота упираться!»

17. JDD, с. 226 s.

Я сразу приступил к исполнению задуманного плана. Убедившись, что лошадь не рванет вперед, я очень сильно натянул повод. Кобыла попробовала было подняться на дыбы и развернуться задом наперед. Но я отреагировал слишком неожиданно: у неё не было времени сориентироваться. Я во весь опор погнал лошадь до самого въезда в дю Буа, затем повернулся и шагом подъехал к мсье де ля Трёмуйю и его друзьям. Герцог сказал мне: «Но, мсье Филлис, обычно лошадь упирается не здесь. Это вон там!» Я же ответил ему, что лошадь во все и не упиралась — наоборот, это мне пришлось довериться ее бегу.

**«Звезда»,
неизвестный
художник, 1831**

Пока доскакали до моста, я четыре раза повторил тот же маневр, и с каждым разом прищпоривал не так резко, а дистанции делал не такими длинными. Наконец, прискакав, я просто усилил действие шенкелей, и этого хватило, чтобы

«В цирке».
Анри Тулуз-
Лотрек.
Рисунок, 1899

она рванула вперед. Должен признаться, что сжимал ногами корпус довольно сильно и удерживал лошадь в повиновении, однако все эти ухищрения ничуть бы не подействовали, не пусти я до этого в ход мои шпоры.

По мосту она проскакала даже не пикнув, но была вся в мыле. И тут герцог вскричал: «Я целыми днями охотился верхом на этой лошади, и она ни разу не вспотела, а Филлис просто пустил ее шагом, и она уже вся в поту!» Я прогнал лошадь по мосту снова и снова, туда и обратно, натягивая повод теперь уж совсем слабо и ласково оглаживая ее по шее с обеих сторон [...]».

Почти то же самое он проделал и с дорогой кобылой баронессы Альфонсы де Ротшильд. Эта чистокровная кобыла рыжей масти была куплена в Англии. Филлис рассказывает: «У нее была замечательная рысь — четкая, быстрая, легкая и изящная.

Целых три года она всех очаровывала. И вдруг ни с того ни с сего животное не смогло или не захотело бежать рысью вообще. Тогда вместе с герцогом де ля Тремуьем мы устроили выезд в лес с улицы Марбёф, на которой располагались конюшни мадам Альфонсы де Ротшильд».

Филлис продолжает: «Я велел вывести кобылу во двор на корде и без седла. Хорошенько осмотрев ее, ощупав и убедившись, что её поясница не утратила гибкости, я приказал оседлать ее и привести в Кур-ля-Рейн. Сразу вскочив в седло, я пустил кобылу быстрым шагом. Она пошла очень даже охотно; я убедился, что шаг не доставляет ей никаких мучений. И вот я захотел пустить ее рысью: но это оказалось невозможно! Однако я был упрям. Я пустил ее галопом, во весь опор, на 500 или 600 метров, а потом вернулся к прежнему аллюру. [...] Я заставил кобылу пробежать около 1800 или 2000 метров в три приема, во весь опор, постоянно то пришпоривая ее, то поглаживая. Пришпоривал — чтобы животное срывалось вперед, а поглаживал как бы благодаря за порывистость. И вот в четвертый прием вес переместился вперед, и кобыла, снова обретя прежнее равновесие, побежала прекрасной рысью, с великолепной скоростью, как раньше. На следующий день баронесса де Ротшильд смогла сесть в седло, и кобыла еще долгие годы служила ей. Подобные эпизоды больше не повторялись.

Едва сев на лошадь, я понял, что мешало ей бежать рысью. Все лето на ней ездил грум ростом с сапог, чьи шпоры едва доставали ей до середины боков и только приятно щекотали животное. Чувствуя вес сзади, кобыла пускалась в манежный галоп, и постепенно это превратилось в привычку, исправить которую было почти невозможно. Единственным способом было пустить животное во весь опор, чтобы перевести вес вперед. Но если дать кобыле скакать таким аллюром, каким ей вздумается, то за одну тренировку вес переместится вперед недостаточно. И поэтому мне приходилось больно пришпоривать ее во время полевого галопа, поскольку работы поводом кобыла не слушалась. А если лошадь не чувствует никакого контакта с рукой, происходит *замедление движения* или *осаживание*. Мои шпоры придавали лошади порыв, которого ей как

раз и не хватало. И признаюсь, что на конце одной шпоры я заметил блестящую капельку крови. Но серьезные болезни требуют сильных лекарств! В нашем случае только энергичный и сильный посыл шпорами мог бы совладать с осаживанием лошади. Однако очевидно, что, прибегнув к менее энергичным средствам, я мог бы выйти на тот же результат, затратив на это некоторое время. Но я человек импульсивный и люблю решать все непосредственно и сразу. И потом, в экспериментах такого рода всегда присутствует сомнение: я знал, что одержу верх в этой борьбе, но мне надо было удостовериться в этом наверняка».

Вот такого рода откровения, приправленные к тому же не слишком элегантными фотографиями, и создали Филлису репутацию очень жестокого всадника, любителя «силовых методов». Мы еще вернемся к этой теме, уравновесив такие суждения мнением тех, кто знал его лично. В этой же главе мы можем только привести в пример некоторые из его высказываний, свидетельствующие об обратном. В главе своих «Основ»¹⁸, посвященной «лошади в сборе», он, скажем, пишет так: «Но, чтобы достичь легкости, нужно постоянно применять великий принцип: брать и давать.

Брать — чтобы сломить сопротивление; давать — чтобы вознаградить за уступчивость; и снова брать, чтобы извлечь из такой уступчивости пользу и добиться еще большего, и так далее».

1870-й. Год, знаменательный для Филлиса, — ибо, по его собственному выражению, «1870 год я прожил преимущественно верхом»¹⁹. В этом году он переезжает в Париж и работает в цирке Виктора Франкони на Елисейских Полях, где, между тем, происходят следующие события: «Это случилось весной 1870 года. У мсье Виктора Франкони был крупный гнедой конь, очень породный, прекрасного экстерьера, и очень резвый. Его окрестили *Fou* (Бешеным), потому что он никак не поддавался укрощению. Выезжать его было не только трудно, но еще и опасно. [...] Виктор Франкони и я (а в конце концов только мы одни и осмелились выехать Бешеного, который сбрасывал всех, кто посмел вскочить ему на спину) сумели

18. PDDE, op. cit., p. 68

19. PDDE, op. cit., p. 68

справиться с ним и даже остано-
вить. Но едва конь остановился, как
тут же превратился в припадочно-
го. Он бил копытом об пол, испу-
скал жуткие вопли, а потом, застыв
на несколько мгновений в полной
неподвижности, резко вышел из,
казалось бы, уже спокойного со-
стояния, принявшись то прыгать
вперед, то вставать на дыбы, то от-
скакивать столь неистово, так что
мы не успевали следить за тем, где
у него голова, а где зад.

Однажды утром я трижды объехал
на нем, пребывавшем в таком имен-
но состоянии, лес дю Буа, не дав ему
времени передохнуть. Не забывай-
те, что дю Буа был тогда намного
больше нынешнего. Совершив та-
кую «прогулочку», любая лошадь
устала бы до изнеможения, но эта
выказывала ту же непокорность,
что и при выезде из конюшни. Бе-
шеный все еще бесился.

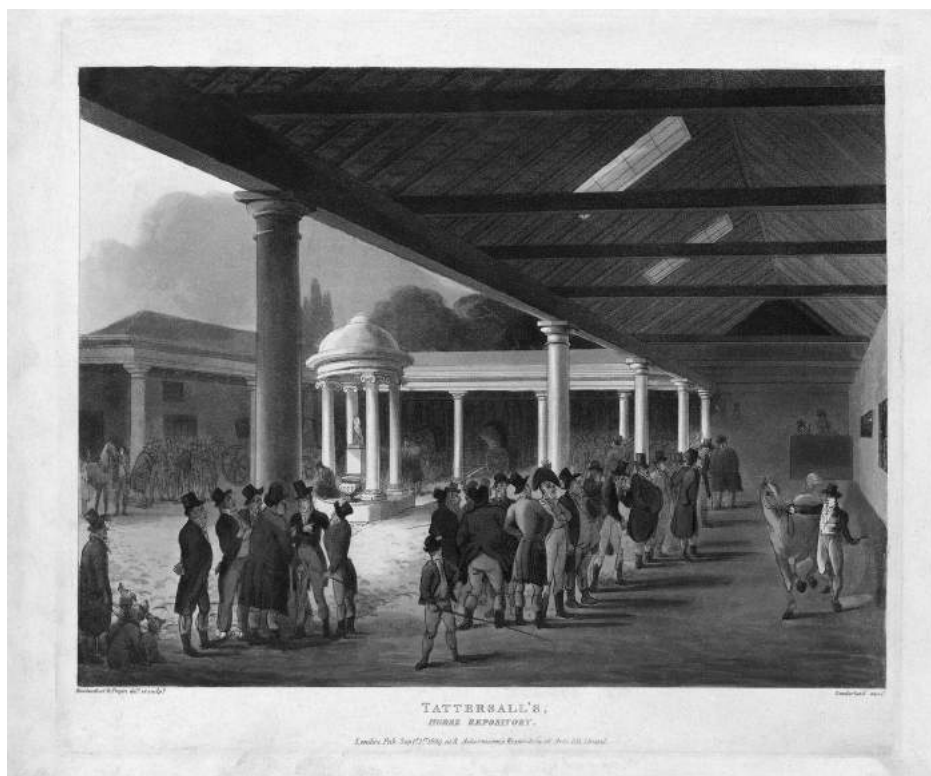
Его, кстати, и поседлать было не легче, чем на нем ездить.
Как-то раз его поседлали и при этом надели на глаза кле-
енчатые шоры; целых три часа он под нашим наблюдением
делал круги и полукруги на плацу в Багатель, а потом за три-
бунами Лоншан. Мы рассчитывали сбить его с толку, но это
оказалось тщетной надеждой: лошадь по-прежнему знала,
в каком положении она находится по отношению к конюшням —
повернута она к ним головой или хвостом. В первом
случае лошадь старалась показать нам свое превосходство,
зато во втором двигалась только подгоняемая хлыстом, чере-
дуя остановки с прыжками и отскоками.

Вот и подтверждение тому, что лошади с глазами, закрытыми
шорами, двигаются так же уверенно. Не в том ли тут разгадка,

Цирковой плакат
1898 года

Конюшня.
Гравюра 1809 г.
Томас Роулэндсон

что скакать они могут лишь по ровной местности? Во всяком случае, они, в отличие от нас, не умеют подниматься или спускаться по тротуарам, лестницам и т.д. Тут кроется объяснение и того, как легко продают слепых лошадей, во многих случаях их можно использовать»²⁰.

А вот эпизод, иллюстрирующий веселую цирковую атмосферу, настоящий король которой — это лошадь: «Когда я еще работал в цирке на Елисейских Полях, мсье Франкони-отец купил за 600 франков превосходную верховую полукровку, которая своей красотой и экстерьером могла бы принести ему все 6000. Но эта лошадь оказалась настоящей шельмой и по этой причине непродаваемой. Франкони созвал нас, чтобы мы попробовали выездить сего несносного господина. Первым в седло вскочил мсье Видаль. Но, едва он это сделал, как конь встал на дыбы и в таком положении, шествуя точно пудель, вместе со всадником перешагнул ограду манежа. Обоих вернули на манеж. У ограды поставили служителей, вооружив их метлами и деревянными вилами, чтобы отогнать коня и не дать ему повторить этот фокус. Ничего не помогло. [...] Наконец Видаль устал, и его сменил мсье Готье. Готье был

20. JDD, op. cit., p. 404 (annexe VIII).

прекрасный всадник, дерзкий и энергичный; но и тут, однако, результат оказался таким же [...]».

А вот Филлису удалось поставить коня со «свечки» на четыре ноги в самый подходящий момент — когда конь вставал на дыбы, но не позднее. Затем он быстро огладил его — как только увидел, что конь подчинился²¹.

Вспыхивает франко-прусская война. Противостояние Франции и германских государств, объединившихся под эгидой Пруссии, продолжается с 19 июля 1870 года по 29 января 1871-го. Незадолго до начала войны на таланты Филлиса обратили внимание офицеры Военной школы. Филлис рассказывает, что «однажды июньским вечером 1879 года майор Лавилль пришел спросить у меня, не хочу ли я поработать с его конем, который закусывал удила. Я тут же поспешил выразить свое согласие. Этот конь, довольно заурядный, грузный, со слабой шеей и такой огромной головой, что он всегда опускал ее очень низко, представлял для всадника немалую проблему. Он тащил всадника всем своим весом, который, сосредоточенный прежде всего в плечах, был слишком велик даже для самых сильных рук, и даже если бы конь не закусывал удила. Чтобы это исправить, мне пришлось только поднять ему голову и шею, что составляет азы выездки. Не прошло и двух недель, как я проскакал во главе эскадрона, сделав остановку точно перед командованием. Тот храбрый майор счел это чудом и сделал мне такую славную репутацию у коллег, что и они поспешили привести мне своих лошадей для выездки»²².

21. JDD, op. cit., p. 72.

22. JDD, op. cit. Предисловие, примечание номер 1 внизу страницы.

Филлис уже живет только верхом. Он работоспособен и вынослив как никто другой. Ему 36. Он в самом расцвете лет. Чтобы охарактеризовать тот период его жизни, дадим слово ему самому: «В июле, августе и частью в сентябре [1870] я каждый день без исключения работал по шестнадцать лошадей. Я вставал в четыре часа утра и работал до восьми вечера, не прерываясь даже на то, чтобы позавтракать. Я брал с собою только несколько круассанов, которые пожевывал все утро, а к полудню выпивал стакан воды с сиропом. Так я зарабатывал в день по восемьдесят франков, то есть по пять франков за лошадь. Этих лошадей я забирал из двора Военной школы,

чтобы потом вывести их на Марсово поле. Как раз тогда формировался 13-й армейский корпус под командованием генерала Винуа. Всех лошадей, годных к службе, разобрали офицеры других корпусов. Оставался только отбракованный хлам, который не захотел брать никто: лошади, упрямые и непослушные. На них-то я и работал по шестнадцать часов в день. В те времена меня ничуть не беспокоили трудные лошади, и я мог бы сказать, как австралийские берейторы: «Мы удержимся на любой зверюге, если у нее на спине есть шерсть». Правда, это доставило мне немало трудностей, ибо в этом деле надо было не только удержаться в седле, а поездить на каждой лошади хотя бы по полчаса. Спустя это время они сопротивлялись уже не так яростно.

Под конец дня ноги с внутренней стороны у меня почти всегда кровоточили. По вечерам я промывал раны теплой водой, потом смазывал топленным салом, а на следующий день снова работал лошадой»²³.

В 1873 году Филлис женится. 9 сентября в мэрии Нейи²⁴ он берет в жены Аделаиду Фаустину Франсуазу Ламбер, вдову Анри Рамбера. Она живет в Нейи, в доме номер 3 по Орлеанской улице, и происходит тоже из цирковой среды — родилась в Монтелеоне в Италии 29 мая 1819 года. Ей уже 54 года — она на пятнадцать лет старше Филлиса²⁵. Ее отец Пьер Ламбер умер в Мадриде 4 марта 1858 года, а первый муж скончался 3 января 1871 года в Нанте.

В свидетельстве о браке Филлис назван «учителем». В нем также сообщается, что его мать Анна Филлис, урожденная Далтон, проживает в доме 16 на бульваре Фий-де-Кальвер в Париже. Среди свидетелей мы видим со стороны новобрачного — Виктора Франкони, «60 лет, директора цирка, проживающего в Париже на улице Фэзандери», а со стороны новобрачной — Шарля Франкони, «30 лет, рантье, проживающего в Париже на авеню Малакофф в доме 139».

В чем причина столь странного брака? По любви он заключен или же по расчету? Его восторженно принимают в цирковой среде, к которой так или иначе принадлежат

23. Там же

24. Свидетельство о браке под номером 112.

25. В этом свидетельстве место рождения Филлиса указано как «Христчерч». Речь идет о лондонском приходе церкви Святой Мэрилебон, в котором он был окрещен. Это свидетельство заменяет акт о гражданском состоянии.

«Лошади».
Абрахам Купер

все заинтересованные лица, члены их семей и свидетели. Да, всадником в цирке Франкони были и некий Рамбер, и один из Ламберов, причем как раз тогда, когда среди всадниц и воздушных гимнасток числилась некая Эвелина Ламбер [итальянское звучание ее имени напоминает и о том, что Аделаида Ламбер родилась в Италии] и некая Рамбер. По крайней мере мы можем прочесть об этом в работе, опубликованной в 1875 году: «Цирк Франкони: исторические подробности о его конном хозяйстве и его ведущих всадниках, собранные удалившимся на покой шталмейстером»²⁶.

Этот же автор в главе о Высшей школе верховой езды упоминает о работе в разное время «господ Антонио Франкони, Лорана Франкони, Виктора Франкони, Боше, Вердье, Пфау, Филлиса, [...] Медам Каролины Лойо, Полины Кюзан [...]»²⁷.

Юг Лё Ру в своих «Цирковых представлениях и ярмарочной жизни»²⁸, как мы уже видели, описывает обычаи и нравы мира цирковых артистов.

Нам кажется уместным привести их здесь для лучшего понимания брака Филлиса и Ламбер: «Существует [...] два очень разных типа всадниц Высшей школы верховой езды. Прежде всего это жены, дочери или сестры директоров цирков,

26. Лион, 1875, с. 58—59.

27. Там же, с. 58.

28. Op. cit., p. 120—136.

**«Цирк «Мольер»,
Жан Ришар Гоби**

которых смолоду посадили на лошадь, обученную дома. Отметим вполголоса, что почти все они — по выражению мсье Молье — «пустоцветы» вольтижировочного седла. То же можно сказать и в том случае, когда хорошо обеспеченный рентой директор, мечтающий выдать дочерей замуж и ввести в буржуазный — а то и великосветский — круг, не очень-то хочет показывать молодую девицу в трико, то есть полуобнаженной, опасаясь тем самым отпугнуть потенциального супруга. Так было с превосходными всадницами — такими, как покойная Эмили Луассе и сейчас — мадемуазель Ренц.

Как правило, всадница Высшей школы — это прелестная девица, которая желает выступать в цирке и нашла покровителя, готового посодействовать ей в ее честолюбивых устремлениях. Такой покровитель должен быть богат, очень богат. Означенная всадница должна иметь с собою багаж в виде трех выученных лошадей: две из Высшей школы и еще одну, предназначенную для преодоления препятствий. Эта лошадиная игра стоит очень дорого. Лошадь, которая была бы готова подчиниться жен-

щине-всаднице, не встретит почти нигде, кроме цирка. Немецкие цирки даже зарабатывают на этом. Там можно найти выставленных на продажу старых лошадей Высшей школы, выездженных и работающих как часы, за цену от 10 до 15 тысяч франков. Цена лошади может возрасти и до 20 000 франков, при условии, если у нее красивый хвост.

На то, чтобы «приладить» — словцо того же мсье Молье, которому я обязан раскрытием всех этих секретов, — весьма посредственную всадницу к одной из таких механически

исполнительных лошадей, хватает нескольких недель. Животное, стесненное неумелой амазонкой, раскачивающейся в седле, не исполнит под нею и половины той работы, какой ее научил всадник мужчина. Но грубая публика ничего не замечает, и случайные спортсмены, обступив арену цирка, восхищенно смотрят, как юная девушка с высоты своего седла убеждает их, что сама выездила свою лошадь».

В 1874 году Филлис упомянут как тренер манежа на улице Дюфо²⁹. Прекрасные остатки этого парижского манежа существуют и по сей день.

Их описание любезно предоставляет интернет-сайт «Парижский пешеход»³⁰: «Прогуливаясь, я вдруг обнаружил следы старинного манежа, куда в XIX веке парижская аристократия приходила брать уроки верховой езды. На этом манеже прославились двое из всех самых великих всадников: Франсуа Боше и граф д'Ор. Этот манеж находится на улице Дюфо недалеко от Вандомской площади. На улице Дюфо можно видеть еще два дома, построенных для голландской компании Эмманюэлем Эме Дамесмом в 1806–1810 годы. В манеж он был переделан только в 1838 году, и тогда там поселился граф д'Ор, но лишь на пару лет, после чего управлять им будут другие люди. Насовсем манеж Дюфо закрывает свои двери лишь в начале Первой мировой войны.

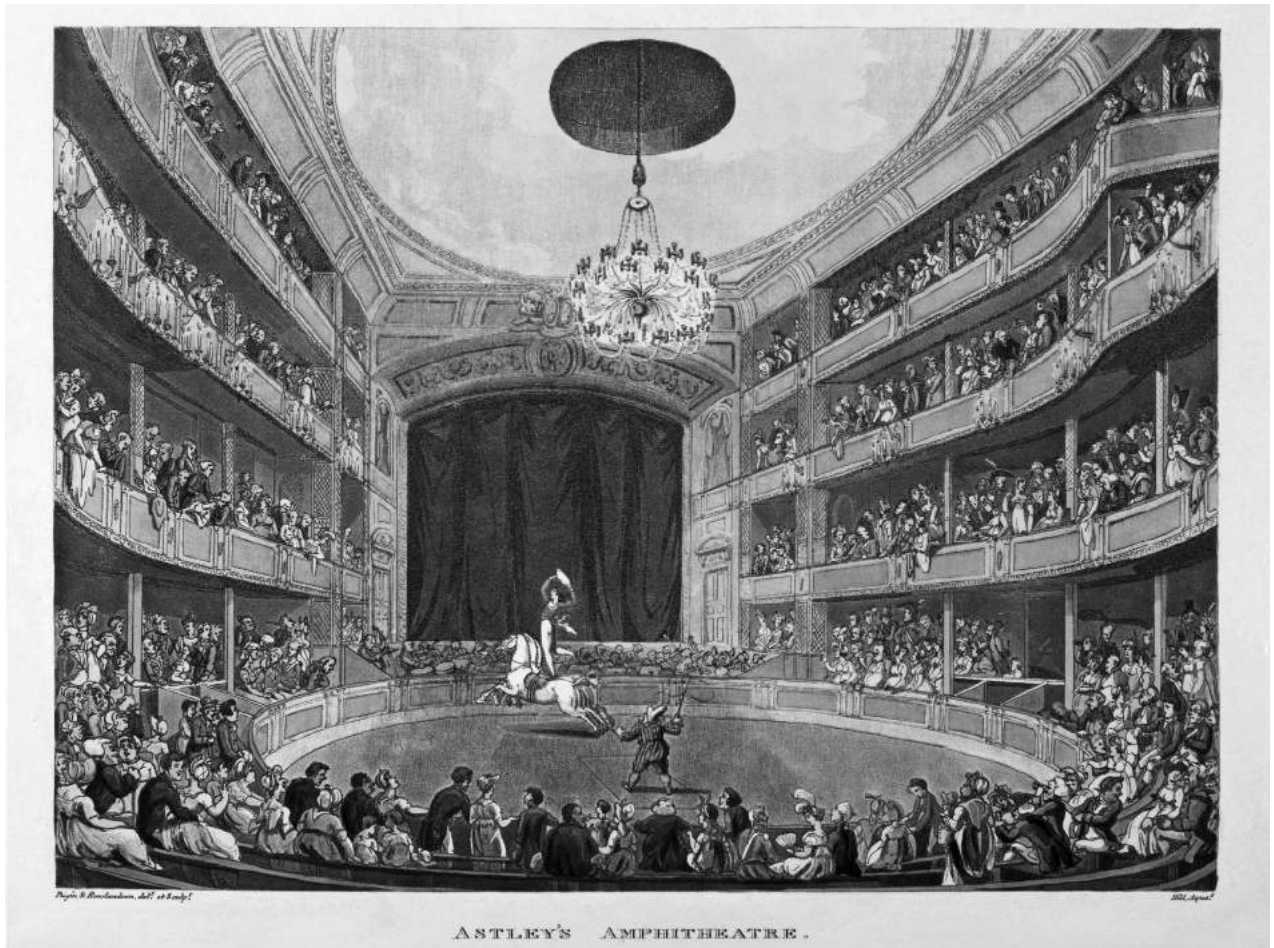
Это учреждение приютило около восьмидесяти лошадей. В то время, когда их обучает д'Ор, главным его конкурентом станет манеж на улице Фобур Сен-Жермен, где лошадьми занимается Боше. Манежу Дюфо отдают предпочтение крупная аристократия пригорода Сен-Жермен и состоятельная публика, увлекающаяся верховой ездой. Клиентура Боше происходила из общества, более либерального и буржуазного».

На самом деле, как объясняет Гислен Буше в работе «Лошадь в Париже с 1850 по 1914 год»³¹, «манеж в основном состоял из помещения для хранения амуниции, собственно манежа с расположенными вокруг трибунами, кабинета, гардеробов и раздевалок; на первом этаже располагались конюшни, на втором — апартаменты собственника или управляющего,

29. См. *Revue des haras, de l'agriculture et du commerce*, avril 1874 (Журнал конной и сельскохозяйственной торговли).

30. <http://www.pietondeparis.canalblog.com/archives/2007/02/23/4104529.html>.

31. «Мемуары и документы Школы Хартий», изд. Droz S. A., Женева — Париж, 1993, с. 254.

**Амфитеатр Астлей
в Лондоне**

в глубине двора — амбар с фуражом, иногда размещавшийся над конюшнями. В манеже Дюфо было две конюшни по сорок-пятьдесят лошадей в каждой, причем одна из них находилась в подвале. Помещения освещались газовыми фонарями. Однако самой большой и трудноразрешимой проблемой было соблюдение безопасности этих помещений, если учесть, что риск пожаров был очень высок, а средства, которые тратились на то, чтобы снизить этот риск, были смехотворны».

В апреле того же 1874 года Филлиса награждают серебряной медалью и 50 франками, поскольку он получил 1-ю премию в категории верховых лошадей на конкурсе, отчет о котором опубликовал «Журнал о конезаводах, сельском хозяйстве и торговле»³².

В мае ежедневный бюллетень о зрелищах той поры «Оркестр» упоминает Филлиса в цирке Елисейских Полей

32. Апрель 1874 г.

(площадь Мариньи), показавшим в Высшей школе свою лошадь *Mac Gregor*. До декабря 1885 года мы постоянно — перерывы крайне редки — находим Филлиса то в Летнем цирке³³, том самом, что на Елисейских Полях, то в Зимнем³⁴, в зависимости от времени года. Оба цирка работали под руководством Виктора Франкони.

В ноябре 1875 года Филлис подготавливает еще двух лошадей, которые начинают выступать, как и *Mac Gregor* — это *Gaulois* и *Negro*. В декабре 1876 года появится *Simoun*, потом, в мае 1879-го — *Waverley*, в 1881 году *Amour*, в январе 1883-го *Miranda*, и в июле 1885-го — *Dwornick*. Все были тренированы в Высшей школе; *Simoun* «тренировался на свободе». Филлис выступает один или поочередно с известными всадниками той эпохи: Тони, Ж. Видалем, Эмилем и Жаком Готье. Его можно увидеть в «квадрупль-тандеме» (1878) или, скажем, в «конном балете», иначе говоря — в номере с участием восьми лошадей.

Впрочем, по заключению Андре Монтейе, «Филлис шел своим путем в парижской конной среде, которая с перерывом в десяток лет потеряла двух звезд: в 1863-м д'Ора, а в 1873-м Боше. Его репутация привлекала к нему многочисленную и чрезвычайно достойную клиентуру, среди которой не было недостатка в знатных особах и политических деятелях Третьей Республики; там было множество прекрасных всадников»³⁵.

В 1878 году в Зимнем цирке³⁶ дебютирует под наблюдением своего отца пятнадцатилетняя Анна Филлис. Барон де Во, неутомимый хроникер событий, связанных с конным спортом тех лет, так описывает ученичество Анны Филлис в своей статье в «*Gil Blas*» от 8 апреля 1891 года³⁷: «Школе своего отца мадемуазель Филлис обязана тонкостью и изяществом, которыми она очаровывает публику с той самой секунды, как выходит на манеж. И подумать только — когда она была ребенком, ее хотели отдать всерьез чему-то учиться! Счастье, что природа сама обучила ее всем своим тонкостям, иначе не видать бы нам таланта столь выдающегося. [...] Невозможно найти талант, способный сравниться с ее дарованием. Это личность возвышенная, достигшая с помощью труда и обучения таких

33. Цирк на Елисейских Полях (начиная с 1835-го) располагался на краю площади Мариньи. В 1870 году он становится Летним цирком. Управлялся В. Франкони; был снесен в 1899 г.

34. Зимний цирк с 1873 года управлялся также В. Франкони (вместе с Летним). Он называется Национальным цирком (1870) и сменяет цирк Наполеон (открытый в 1852-м). Расположен на бульваре Фий-дю-Кальвер.

35. *Maîtres de l'oeuvre equestres*, ed. Odege, 1979.

36. Ср.: baron de Vaux. *Escuyers et escuyeres*. Paris, J. Rotchild editeur, 1893.

37. Он воспроизводит этот же текст в «Всадниках и всадницах».

**Вид на Лондон
с Темзы.
Гравюра 1808–1810**

высот совершенства, что конный спорт для нее уже не просто умение, а настоящее искусство. [...]

Легко догадаться, что подобное существо не пожелало становиться ученой барышней: да и не для того была она создана. В детстве Анна была такой болезненной — не было уверенности, что она доживет до взрослого возраста. Ее мать, весьма благочестивая дама, дала обет одевать ребенка во все голубое³⁸, и только к тому времени, когда Анне исполнилось 15, отец ее с разрешения докторов, выпустил девушку на манеж, посадил на лошадь и сказал: «Держись правой стороны». Лошадь пожелала пойти влево, и девушка инстинктивно ощутила сопротивление руки. С этой самой минуты она серьезно работала в Зимнем цирке, где ездила верхом на всех лошадях конюшни, и послушных, и упрямых. А что поделаешь: ведь в центре манежа стоял ее отец с бичом в руке,

38. Точнее было бы сказать «в белое и голубое». То есть обет не одевать ребенка до достижения определенного возраста в иные цвета, кроме принятых в честь девы Марии (ср. появления на улице дю Бак).

и ей приходилось трудиться. Шесть месяцев спустя мадемуазель Филлис впервые оседлала лошадь, выездженную ее отцом. И совсем неплохо себя показала — ибо уже следующим летом смогла появиться на публике. Ее дебюты состоялись в цирке на Елисейских Полях с двумя лошадьми: *Mac Gregor* и *Negro*.

Мадемуазель Анна Филлис — одна из тех редких всадниц школы, которые вошли в цирк через парадный вход, минуя целый ряд испытаний, через которые обыкновенно приходится пройти ученикам. За спиной у нее лишь краткое пребывание в цирке на Елисейских Полях: пожелав достичь известности, она уехала и посвятила себя работе за границей с двумя лошадьми, которых подготовил ее отец, и третьим — прекрасным конем для преодоления препятствий. Вот в компании этих трех лошадей и в сопровождении матери эта девушка, еще совсем молоденькая, отправилась в Италию».

Анна Филлис выступает перед публикой в цирке на Елисейских Полях в пятнадцать с половиной лет. Впервые она упомянута в сентябрьской программе 1878 года. Ее имя фигурирует в программе «Большой конной фантазии» рядом с именами медам Э. Луассе, Океаны, В. Леонар и месье Филлиса, Тони, Видаля и Готье. Весь 1879-й она работает на Франкони (исполнив лишь одно па-де-де с отцом в апреле в Зимнем цирке). Она работает весь 1880-й. «Оркестр» упоминает ее еще раз — в апреле 1881 года вместе с отцом они выступают в исторической квадрилье³⁹.

Выдающийся историк цирка Анри Тетар рассказывает, какие зарплаты получали Филлис и его дочь Анна у Франкони в 1879–1880 годах. В «Чудесной истории цирка»⁴⁰ Тетар объясняет: «Как раньше, так и сейчас [...] зарплаты внутри каждой специальности могут сильно различаться в зависимости от таланта и известности артиста. Если Филлис и его дочь получали ежемесячно по 1000 франков, а сестры Эмили и Клотильда Луассе — прославленные конные гимнастки — по 3000 франков на двоих, то Готье, между прочим, отнюдь не последний всадник, имел месячный доход лишь в 250 франков».

39. Ср.: «Orchestre», издания с 1878-го по 1881-й. Реплика: вопрос в том, как правильное — «мадам Анна Филлис» или «мадам Филлис». Ничто не мешает предположить, что речь здесь о мадемуазель Филлис, ее имя фигурирует в программках рядом с другими дамами, т.е. они были в одинаковых условиях.

40. Тетар Анри. Чудесная история цирка. Призма, 1947. Перизд. Жюльером в 1978; с. 286.

Анна уезжает в Италию вместе с матерью. Там она живет два года. После возвращения во Францию⁴¹ она позднее еще проработает много лет в Германии (в цирке Ренц) и в России (в цирке Чинизелли). А в начале 1886 года в Париже ее вновь встретят аплодисментами в Летнем цирке⁴².

В Германии ее мать заболевает, не выдержав климата этой страны, если верить словам барона де Во⁴³.

В 1886 году Анна Филлис снова выступает в цирке на Елисейских Полях (то есть в Летнем цирке) на *Mac Gregor* и *Negro*⁴⁴. *Redoute*⁴⁵ также станет ее конем во время общественных представлений.

В 1870-е Филлис подготовил в Высшей школе много лошадей⁴⁶: *Villers* и *Mac Gregor* (1872), *Negro* (1874), *Gaulois* и *Simoun* (1875), *Waverley* (1876), *Amour* (1876), *Redoute* (1879). Среди них есть такие, кто заслуживает подробного рассказа.

Шарпантье так излагает один из эпизодов тренировки *Negro* Филлисом: «Заставляя его делать пиаффе, Филлис не допускал применения хлыста. Здесь, как и в моменты гладких аллюров, он применяет шенкель и шпоры, когда это необходимо. Но это происходит не без борьбы. Мы уже видели, как он отвергал использование хлыста в принципе, предпочитая помогать себе шпорами. Да он и сам вспоминает, сколько натерпелся из-за очень красивого вороного чистокровного жеребца по кличке *Negro*. Он был очень трудным в работе, с капризным норовом, ржал, мочился и если уж двигался, то только назад. Артисты Зимнего цирка вообще не верили, что его можно заставить двинуться вперед. Однако, то и дело жестко посылая шенкелем и глубоко, до крови прищипывая коня, Филлис добился того, что он пошел вперед, и сделал из него дамскую лошадь прекрасной выучки»⁴⁷.

Чистокровную лошадь по кличке *Amour* Филлис упоминает как первую, которая в 1880 году в Париже смогла выполнить под его седлом пассаж⁴⁸. Это упражнение вошло в число «новых элементов», как их окрестил сам Филлис, подчеркивая, что выдумал их сам.

41. Ср. статью в «*Gil Blas*» от 08—04—1891, подписанную бароном де Во.

42. Ср. статью в «*XIX siècle*» от 28—04—1886.

43. См. «Всадники и всадницы», главу об Анне Филлис.

44. Ср. «*Gil Blas*» от 8 апреля 1891 г., статью барона де Во «Спортивная жизнь. Цирковые всадники и всадницы. Мадемуазель Анна Филлис».

45. Упоминается также в «*Gil Blas*» 01.05.1886 и «*Le Monde illustre*» 28—08—1886. С. 136.

46. Ср. перечень Э. Венсана, *op. cit.*

47. *Op. cit.*, p. 250—251.

48. Об этом сообщает Шарпантье, *op. cit.*, с. 241.

Что касается *Gaulois*, то он упоминается Эрнестом Молье — прославленным директором цирка, носившего его имя на улице Бенувилль в Париже, — в одной из его работ по истории цирка⁴⁹.

Газета «Le Gaulois» от 25 июля 1925 года⁵⁰ дает из нее несколько выдержек, которые и мы приводим здесь с живейшим интересом, так хорошо передают они дух эпохи:

«[...] Как высоко ценились эти мастера [Боше, впервые появившийся в 1820 году] верховой езды в те времена, когда все ценили существо, которое называется лошадей, когда и знать и буржуазия выезжали на лошадях, память о которых оставили нам Орас Верне и Альфред де Дрё.

Теперь пустимся в галоп — и вот мы уже в 1872-м, и перед нами Виктор Франкони. Директор сразу двух цирков, он купил их процветающими предприятиями и приложил все усилия к тому, чтобы сохранить их в столь же блистательном положении с первоклассной труппой и конюшней выезженных лошадей. [...] Вот имена всадников: господина Видаля, Тони-Фо, ученики Боше; Эмиль Готье, и т.д. и т.д. Из воздушных и конных гимнастов назовем Эмиля Бредбери, создателя «Жокея», [...] не забывая и о короле циркового бича, популярном Луайяле.

И наконец, всадник Высшей школы верховой езды, которого следовало бы назвать первым в своем роде, несравненный тренер, обладающий талантом вытягивать из лошади все, что она только может сделать. Никогда еще до него не видели работы столь точной и блистательной. Джеймс Филлис, великолепный всадник, одарен личными качествами столь многими и необычайными, что почти не в силах передать их другим; он не выпестовал учеников, достойных себя.

Правда, его дочь, мадемуазель Анна Филлис, позднее проявила себя намного лучше иных «всадниц» из Высшей школы, которые в то время оценивались весьма высоко.

Испытывая к Филлису столько же симпатии, сколько и восхищения, я почти каждую неделю приходил ему поаплодировать.

49. Molier, Ernest. *Le cirque, l'équitation et l'athlétisme*, ed. Baudinière, 1925, p. 16.

50. «Le Gaulois», 25 июля 1925, «Ярмарочный цирк. Книга Молье и о цирке!».

«Быстрейший».
Энтони Оберман

И вот как-то раз, только что отработав *Gaulois*, он говорит мне: «Милый друг мой, какой ерундой вы забиваете себе голову»... Потом, немножко будто отъехав, он опять подъехал, склонился ко мне и добавил: «Вас очень заинтриговало, почему *Gaulois* так высоко поднимает задние ноги при движении рысью, и вот вы спрашиваете себя, как мне удалось добиться такого преувеличенного движения».

Ну что ж, чтобы вы не потеряли от этого сон, скажу вам, что у *Gaulois* такой сильный шпат, что, когда он пятится, они напрягаются, порождая тот эффект, который вас так поразил. Пойдите купите лошадь, у которой шпат, и вам удастся сделать то же, что и мне». [...]

Новое поколение уже не интересуется лошадьми — их вытеснил велосипед, который ездит быстрее и никогда не устает. С другой стороны, сколько гимнастов и акробатов расплодил нынешний мюзик-холл, в котором идут даже номера с участием лошадей. Цирку остается теперь только объявить, что лавочка закрывается».

В 1911 году в «Конном деле и лошадях» с предисловием Поля Бурже⁵¹ Эрнест Молье написал о Филлисе: «[...] Мсье Джеймс Филлис, дебютировавший в старом цирке Франкони, всегда представлял самых блистательных лошадей. Российское правительство доверило этому необыкновенному артисту исполнять обязанности главного управляющего конюшнями Офицерской кавалерийской школы в Санкт-Петербурге».

Наконец, неподражаемое свидетельство принадлежит перу барона д'Этрейлис, который в работе «Спортсмены и всадники — тогда и сейчас», опубликованной в 1883 году, сообщает нам точные сведения о знаменитых лошадях Филлиса⁵²: «Мсье Филлис — лучший всадник парижского цирка. Сегодня для публики он является воплощением типично французской школы; по его отношению к лошадиной природе сразу заметно, насколько французская школа отличается от немецкой. Вот лошади, воспитанные мсье Филлисом: *Mac Gregor*, полукровный, невзрачный, превратился в лошадь, созданную для триумфального шествия по всей стране, не оставляя другим лошадям ни малейшего шанса. Теперь ему приходится нелегко — он должен приспособиться к требованиям манежа, главным образом циркового. Изысканность и совершенство его выучки да не убоится критики самой злопыхательской; *Negro*, чистокровная лошадь небольшого роста, вспыльчивая, нервная, под мадемуазель Филлис выполняла самую тонкую и слаженную работу; *Gaulois*, каретный конек из Ганновера,

51. «Верховая езда и лошадь», Эрнест Молье, предисловие Поля Бурже, Париж, П. Лафитт, 1911, серия «Спортивная библиотека», с. 394.

52. Париж, изд-во Л. Бодуэн, 1883, с. 136—139.

**Елисейские Поля,
Париж, 1890 гг.**

сумасброд и неслух, склонный отрываться от компании, но при этом одаренный от природы замечательными резвостью и легкостью. Мы не видели такого безупречного академизма со времен *Partisan* — лошади, воспитанной мсье Боше; *Waverley*, это уж просто отчаянная голова, в нем достаточно горячей крови, чтобы выступить в стипль-чезе. В области спины небезупречен; скакательные суставы и вовсе с большими недостатками; в нем все недостатки машины, не обладающей достаточной мощностью, чтобы перерабатывать пар, которым ее накачали. Мсье Филлис угадал в нем поистине феноменальный импульс, впрочем, это не мешало ему прекрасно выступить на этой лошади. Мы сами видели, как, выполняя галоп на трех ногах, он менял ногу в воздухе в один темп. Ах! Держу пари, вам его не разгадать. Но смотрите же, не спускайте с него глаз — иначе он не даст вам спуску, этот *Waverley*!

О *Simoun* нам сказать особенно нечего — игрушка — это по вашей части. И тем не менее его принимания в любую сторону безупречны. Да, ведь у него слабое прямое плечо, у *Simoun*, это действительно так. Ясное дело! Да разве в этом его вина; это

как с умом; среди людей, которым его недостает, только дураки в первых рядах, а все остальные потом!

Итак, вот вам пять лошадей, отличающихся и породой, и происхождением, и экстерьером, и характером, и абсолютно несхожими качествами. Все они выезжены одной и той же рукой на выполнение разных элементов. Но выполнение их всегда исключительно правильное.

Это прекрасное, настоящее и здоровое конное дело. Вот она, французская школа во всем ее природном изяществе! И при этом мсье Филлис настоящий тренер и замечательный спортсмен, а вовсе не дрессировщик — тут есть большая разница. Вам никогда не повторить того, что может он — и, если вы пожелаете убедиться в этом сами, просто взгляните на любую из его лошадей. Пусть только какому-нибудь профану взбрет в голову вскочить на нее — о несчастный, он уподобится кораблю без руля и ветрил, несомому бурей!»